

Л.В. Кудзеевич (Санкт-Петербург)

СЛУЖБА ГЕНЕРАЛА Ю.Ю. БРОУНА В СЕМИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ

УЧАСТИЕ В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ стало для Юрия Юрьевича Броуна как высшей точкой его военной карьеры, так и ее окончанием. Юрий Юрьевич (Георгий Георгиевич, George Browne, род. в 1698 г. в графстве Лимирик, Ирландия) поступил на русскую службу в 1731 г. майором. Большую часть времени он служил под началом своего соотечественника, генерала и фельдмаршала Петра Петровича Ласси, на дочери которого женился в 1740 г. Броун не только глубоко уважал старшего родственника, но и считал главным военным авторитетом своего времени.

В 1755 г. генерал-лейтенант Броун служил в Лифляндской дивизии под командой графа Петра Ивановича Шувалова¹. С началом подготовки к войне с Пруссией и формированием весной 1756 г. под началом П.И. Шувалова новой большой дивизии Броуну было поручено командование 4-м корпусом, состоявшим из Бутырского (располагался в Петергофе и Красном Селе), Ростовского (в Стрельнинской мызе) и Пермского (в Санкт-Петербурге) пехотных полков, которые к сентябрю передислоцировались в Эстляндию².

Собирая сведения о путях и возможностях наступательных действий в Пруссии, П.И. Шувалов обратился к опыту и знаниям Ю.Ю. Броуна, чей отчет подробно пересказал в рапорте в Военную коллегию от 31 июля 1756 г.: «В 733-м в августе месяце в следовании его при армии из Риги чрез Курляндию, Литву и Польшу на Варшаву, да в 749 годех, когда возвратно со упоминаемым выше сего корпусом к России чрез Краков шли Польшею, признана была дорога в Литве весьма худа, узка и болотна,

но оные де места жилые и не гористы, которые способнее проходить с корпусом военных людей в зимнее время или среди лета, а о других дорогах тож от Пскова, Смоленска, Стардуба и Чернигова неизвестен и боле он в следовании по оным никогда не бывал.

Что же принадлежит до следования из Риги на Мемель, а оттудова к Кенигсберху, ежели с большим корпусом маршировать... чрез Мемель до Кенигсберха хотя и ближе, но летнею дорогой итти никак невозможно, потому что та дорога узкая, продолжающаяся восемь миль между большим морем и Курским гавтом (*Куриш-гаф*) и так пещана, что колеса всегда по ступицу в песке бывают, к тому ж жилья почти никакого нет, кроме одних маложивущих мужиков, кои рыбною ловлею кормятся, да и

Ю.Ю. Броун

травы ради конских кормов за весьма песчаным местом нет же и притом, ежели без позволения от Пруссии оною дорогою идти, то с судов и с Куришгавта можно марширующей армии великое препятствие и остановку учинить и буде он тою дорогою и в прошлом 755 году, во время отпуску его в немецкую землю в июле, тож и назад в сентябре месяцах ехал и так ему о неспособности той дороги весьма известно, разве малым корпусом и то зимним временем по нужде оною дорогою маршировать можно, а ежели великим корпусом, то за неимением довольного жилья и зимою невозможно и для того более согласует со упоминаемым господина генерал-майора фон Боумана мнением, хотя и далее, но по способности лутче марш иметь из Курляндии или Литвы чрез Жмуидскую провинцию, а потом в прусские границы вступать и проходить промеж местечка Тильзит и крепости Мемель, яко же в окружности оных не гористые, а жилые места, при том же и морской берег для водяной коммуникации не в отдалении. Однако, ежели чрез Литву итти, то во оной провианта недостаточно бывает, буде большим корпусом маршировать и для того

ж надлежит по состоянию времени и числа людей в пристойных местах заблаговременно магазейнам учрежденным быть»³. В том же отчете Броун делится своими наблюдениями о возможностях атаки крепости Мемель и рекомендует двух офицеров для проведения разведки в Литве и Польше.

9 сентября 1756 г. на заседании Конференции, проходившем в присутствии Елизаветы и вызванном вторжением Фридриха в Саксонию, Юрий Юрьевич Броун был произведен в полные генералы и назначен в действующую армию под командованием фельдмаршала С.Ф. Апраксина⁴. Новый главнокомандующий поручил ведению Броуна расположенные в Ревеле Черниговский, Углицкий, Вятский и на о. Рогервик Суздальский пехотные полки, которые предполагалось использовать для десанта⁵. После прибытия Апраксина и его штаба в Ригу 10 ноября Броун, по всей видимости, получил назначение в Курляндию, так как уже 29 ноября главнокомандующий сообщает в Петербург сведения, «какая я на сих днях репортами генерала Брауна из Курляндии под разными числами о прусских намерениях получил»⁶. Зимой 1756–1757 гг. Юрий Юрьевич имел квартиру в Митаве и, помимо сбора сведений о противнике, осуществлял общее командование расположенными в авангарде русской армии полками, принимал участие в военном планировании (военные советы 2 и 23 января), занимался обеспечением войск и регулированием взаимоотношений с местными властями⁷. К апрелю 1757 г. под его начальством состояло 6 пехотных полков (2-й гренадерский, Нижегородский, Муромский, Киевский, Ладожский, Невский), 3-й кирасирский и Чугуевский казачий полки и сколько-то гусар – всего около 15 000 человек⁸.

2 мая Апраксин отдал приказ о выступлении армии к Ковно, Броун же оставался в Курляндии с новым непростым заданием. Главнокомандующий поручил ему организацию и временное командование осадным корпусом, предназначенным для взятия Мемеля. Полки и осадная артиллерия, назначенные в корпус, сильно запаздывали, не спешил с отъездом из Петербурга и его командующий генерал Фермор. 11 мая военный совет постановил, что если Фермор не прибудет к 21-му, «экспедиция» будет поручена Броуну, и в 20-х числах Апраксин приказал ему как можно поспешнее начать операции против Мемеля⁹. Фермор все

же прибыл 30 или 31 мая, и после передачи ему дел Броун был назначен в главную армию.

В Ковно – месте сосредоточения русской армии – генерал Броун прибыл вскоре после главнокомандующего и принял участие в военном совете 10 июня, определившем время выступления и порядок следования к прусским границам¹⁰. Согласно «Росписанию генеральному полкам», утвержденному в Ковно, Юрию Юрьевичу было поручено командование 2-й дивизией (1-я – Лопухина) в составе 1 гренадерского и 10 мушкетерских пехотных полков, 7 эскадронов регулярной кавалерии, Чугуевского казачьего и гусарского полков и 3500 нерегулярных¹¹. 16 июня началась переправа через Неман, и 14 июля она заняла Вержболово, где 18 июля военный совет постановил разделить армию перед вступлением в Пруссию вместо двух на три дивизии: Броуну опять досталась 2-я. Каждая из дивизий при движении колонной имела свой авангард. Авангард колонны генерала Броуна (правой) был в составе 2-х гусарских полков, выборных эскадронов кирасир и тысячи донских казаков и поддерживался бригадою пехоты принца Любомирского¹².

21 июля вся армия тремя колоннами перешла границу и 25-го заняла Гумбинен, где 27-го военный совет решил для продолжения движения на Инстербург снова разделить армию на две дивизии, при том в соответствии с порядком построения по ордерде-баталии, по которому 2-я дивизия Броуна образовывала 2-ю боевую линию. Ей же было приказано, помимо разъездов по обеим сторонам, содержать арьергард¹³. 7 августа армия была разделена на авангард и три дивизии, и теперь, в связи с присоединением к армии отряда Фермора, генерал Броун получил 3-ю. Под его командованием оказались князь Голицын, Иван Цеге-Мантейфель, Леонтьев, Андрей Цеге-Мантейфель и бригадир Диц и полки Казанский кирасирский, Тверской и Нижегородский драгунские, Молдавский гусарский, 3-й гренадерский, Ладожский, Невский, Сибирский, Вологодский, Азовский, Углицкий и Суздальский мушкетерские. Всего до 21 000 человек по штатному составу, но реальное число боеспособных солдат Масловский предлагает уменьшить наполовину¹⁴.

В этом же составе дивизия приняла участие в Гросс-Егерсдорфском сражении, однако о роли в нем генерала Броуна, как правило, не упоминается вообще. В соответствии с приказом

дежурного генерал-майора П.И. Панина о порядке следования войск 19 августа, сделанном накануне, 3-я дивизия разделялась на две части, которые примыкали к колоннам 1-й и 2-й дивизий. Кроме того «вся третья дивизия иметь должна позади себя великой аррьергард, не меньше как из трех или четырех полков пехоты, по рассмотрению генерала Броуна, чего ради пехотной один полк приказать изо второй дивизии в третью». В арьергард же и в подчинение Броуну отправлялись слободские казаки бригадира Капниста с волжскими калмыками и кампанейским полком¹⁵. Таким образом дивизия Юрия Юрьевича во время сражения оказалась разделена на несколько частей, а он сам как бы исчез с поля боя и из трудов историков. Тем не менее в журнале военных действий армии С.Ф. Апраксина есть два упоминания генерала, позволяющие сделать предположения о его месте во время сражения.

Во время атаки прусской конницы на правый фланг русской армии «одна часть, которая налево с пригорка шла, наши по сю сторону прилеску недалеко от мызы Менотен стоящие два полка гусар и полк Чугуевских казаков с такою фуриею и жестокостию атаквала, что их по малом супротивлении отступить принудила, по чем из нашей, по сей стороны лощины генералом-аншефом Броуном поставленной, бригады тяжелой артиллерии и разделенных в третей дивизии шуваловских гаубиц так жестоко на оную стреляли, что она даже до лесу прогнана». Вторая часть конницы, двинувшаяся направо, столкнулась с 1-м гренадерским полком, который совершил свой знаменитый разворот и успешно отразил нападение противника, так что «он с великим уроном и поспешностию назад побежал, которым беспорядочным побегом, не могучи избавиться от пушечных выстрелов, в лощину бросился, но и там места не нашел, ибо генерал Броун, увидя то, две бомбы на него в лощину бросить приказал, чем его принудил на тот же пригорок взойти, на коем пред тем наши гусары были, однако и тамо не могла устоять от беспрестанной пушечной пальбы»¹⁶.

На основе приведенных данных можно сделать следующие предварительные выводы: накануне сражения Ю.Ю. Броуну были поручены организация и командование арьергардом русской армии, части которого и образовали во время боя ее правое крыло. Сам же Юрий Юрьевич не только грамотно расположил ар-

тиллерию и подчиненные ему полки и вовремя вывел их на позиции, но и во время сражения успешно управлял их действиями, находясь на командной высоте в расположении батареи.

Во время отступления русской армии от Алленбурга генерал Броун по-прежнему командовал своей дивизией, переименованной во 2-ю. По итогам кампании он был 27 ноября пожалован польским королем орденом Белого Орла, дозволение принять который получил вместе с Высочайшим, за собственноручным подписанием Ее Императорского Величества благоволением от 16 декабря¹⁷.

Переход из Пруссии на зимние квартиры оказался для дивизии Броуна весьма тяжелым: из-за недостатка перевозочных средств и неимоверной осенней распутицы войска в октябре застряли во временных, крайне тесных, а потому и неудобных квартирах между Ретовым и Тельшами. Генерал Броун 5 ноября писал, что до наступления морозов продолжать движение будет невозможно «потому, что не только обозы и артиллерию вести, которыхья все за совершенную неспособность в местечке Ретове оставлены, но люди без всякого обозу чрез здешния, выше доносенныя, великия топи и болота едва до нынешних квартир с немалою нуждою добрались». До назначенных ей по дислокации квартир в Жмудии дивизия добралась только во второй половине ноября, главная квартира командующего расположилась в Тельшах¹⁸. К этому времени новый главнокомандующий Фермор произвел очередное подразделение армии на три дивизии, поручив генерал-аншефу Броуну командование 1-й в составе 5 бригад пехоты (генералов и бригадиров – Баумана, Любомирского, Дица, Гартвиса и Девица; всего 15 полков) и 5 бригад конницы (генералов и бригадиров: В. Ливена, Шиллинга, Хомякова, Демику и Стоянова). Пехота этой дивизии заняла окрестности Тельшей, Куля, Кроне (Крожи), из числа же конницы только гусары и выборные эскадроны расположились в окрестностях Шодене. Прочие же части конницы 1-й дивизии лишь номинально подчинялись Броуну¹⁹.

Отношения с новым главнокомандующим В.В. Фермором у Юрия Юрьевича не сложились практически с самого начала. Непосредственной причиной стал, по-видимому, вопрос снабжения и размещения дивизии Броуна, полностью легший на его плечи²⁰. Способствовать взаимному недовольству могло и то,

что Броун, в отличие от Фермора, имел большой практический опыт управления войсками и их обеспечения в походных условиях и при этом считал своим долгом указывать своему начальнику на все просчеты ради пользы дела. Это видно даже из его писем императрице, которой пришлось самой мирить двух высших руководителей своей армии: «Что ж Всевысочайше мне... повелели с генералом Фермором несогласие прекратить, на то позвольте мне, Всемилостивейшая Государыня, всеподданейше донести, что я причины к тому не подал, и все повеления так радетельно исполняю, как мне присяжная должность и особливая к службе Вашего Императорского Величества ревность велит» (местечко Тельши, 26 декабря 1757 г.)²¹.

С началом наступления на Восточную Пруссию ситуация не улучшилась: в середине января Броун получил приказание от Конференции двигаться с корпусом к Н. Двору, а от Фермора – на Шиппенбейль. Дав знать в Петербург об этом противоречии, он 18 января выступил с полками из Тельшей на Тильзит и оттуда вдоль прусской границы к Н. Двору. Однако после нескольких приказаний главнокомандующего Броун все-таки повернул колонну и 26 января вступил в Пруссию, но бригаду Долгорукова с кирасирами отправил к Гродно, как было приказано из Петербурга. 31-го колонна подошла к Гумбинену и остановилась на отдых²².

В это время Фермор произвел новое распределение войск на дивизии, о чем известил их командующих приказами 2 февраля. Генерал Броун теперь командовал первой дивизией, «в которой генерал поручик: граф Румянцов; генералы майоры: Бауман, Шиллинг, принц Любомирский, Иван Мантейфель; бригады: Демику, Диц, Берг, Стоянов; 5 полков кирасирских, 5 полков конных гренадерских, 10 полков пехотных, 3 полка гусарских; два Славено-Сербские, и один Ново-Сербский эскадроны... Бригадиру Краснощекову и полковнику Краснощекову с донскими казаками, Чугуевскому казацкому полку и владельцу с волскими калмыками велено при первой дивизии». Время для этого, однако, было выбрано не самое удачное, так как армия находилась в походе и начальники дивизий оказались отделены от некоторых полков громадными расстояниями: «...так, например, Броун решительно не мог командовать всеми бывшими у него полками, разбросанными по всей В. Пруссии, Литве и даже

Польше»²³. 4 февраля Броун с двумя передовыми бригадами выступил из Гумбинена и 28-го прибыл к Грауденцу, главному пункту квартирного района его дивизии.

Отношения с главнокомандующим у генерала Броуна к этому времени стали предельно натянутыми. 5 марта из Грауденца он пишет очередное письмо императрице с перечислением новых поводов недовольства начальником («что я какие, следующие до пользы нынешних военных обращений, представлении мои к нему не чиню, только оные им, генералом Фермором, не апробуютца, но и выговоры получаю, за самые и справедливые мои в них изображения»), которое, однако, заканчивается неожиданным предложением: «То я видя и с такого несогласия принужден нахожусь думать, что полезного быть не может; но страхом будучи одержим, дабы, по отдалению от Империи, не причинилось, за таким его, генерала Фермора, несогласием, армии Вашего Императорского Величества, от чего, Боже, сохрани, опасного случая, и я бы неповинно Высочайшего гнева Вашего Императорского Величества не понес, как и сами Ваше Императорское Величество Высочайше матерински апробовать соизволите (когда такое несогласие происходить будет, какого уже в толь нужном случае плода ожидать?); но опасность больше к потерянию чаемых авантажей, почитая за повинность мою об оном Вашему Императорскому Величеству, чувствуя материнские щедроты, осмелился всенижайшее донести, с рабским представлением: хотя бы я и желал мои последние силы в толь нужном случае ныне при армии против неприятеля распространить, и до последней капли крови, не подумая о слабости здоровья моего, остатца, однако Вашего Императорского Величества всеподданнейше прошу меня, нижайшего, для лутчей пользы армии, когда он, генерал Фермор, один останетца, от здешней армии отделить и взять в Россию к другой команде»²⁴.

Но в Петербурге нашли другой выход из ситуации – 16 марта Ю.Ю. Броун был назначен командиром Обсервационного корпуса. Понадобилось, тем не менее, еще около месяца, прежде чем отношения двух генералов нормализовались: «...сие несогласие истреблено и (предано) вечному с обеих сторон забвению» – докладывал Фермор в столицу 16 апреля. Пока полки, входившие в Шуваловский корпус, шли к сборному пункту в Утрате, около Н. Двора на Висле, Броун находился в Торне, а 27 апреля от-

правился оттуда навстречу передовым частям²⁵. С этого момента и до самой Цорндорфской битвы он вместе с корпусом догонял армию Фермора.

Не вдаваясь в подробности долгого и сложного марша, отметим только два совещания с участием Ю.Ю. Броуна, заметно повлиявших на действия русской армии в целом. Это, во-первых, совещание генералитета Обсервационного корпуса в главной квартире возле Торна 24 июня, на котором было решено, ради увеличения скорости движения полков, оставить больных, лишнюю амуницию, понтонные мосты и, главное, значительную часть полевой и полковой артиллерии. Поскольку артиллерия мыслилась создателем корпуса графом П.И. Шуваловым его главной ударной силой, принятие такого решения требовало от командующего корпусом большой решительности²⁶. И, во-вторых, совещание 13 июля в главной квартире Фермора при местечке Пшеве, куда Броун специально приехал. Обсудив вдвоем текущую ситуацию, генералы приняли ряд решений о дальнейшем развитии кампании, из которых главными были действовать обеим частям армии по левому берегу Варты по направлению к Франкфурту и отказаться, вопреки приказам Конференции, от осады крепости Глогау. Последняя акция была предписана корпусу Броуна, следовательно, и принятое решение основывалось главным образом на его суждениях²⁷.

К 20 июля Обсервационный корпус, проделавший огромный путь от рубежей России, окончательно обессилел и, так и не догнав главную армию, остановился на отдых. А 25 числа Фермор получил «репорт от генерала поручика Чернышева, что господин генерал Браун, за слабостью здоровья от приключившегося припадка, команду над корпусом ему поручил»²⁸. Но все же в главном сражении кампании 1758 г. под Цорндорфом корпус, во главе со своим командиром, участие принял, соединившись с войсками Фермора накануне, на поле будущей битвы.

Непосредственно перед началом сражения 14 августа левый фланг армии под начальством Броуна выглядел следующим образом: 1-я линия – бригада Мантейфеля (два полка), 4, 5 мушкетерский и гренадерский; всего пять полков – 12 батальонов; 2-я линия – Невский, 2-й гренадерский, 1-й и 3-й мушкетерские (4 полка – 10 батальонов); всего 22 батальона. Конница включала кирасир полка Его Императорского Высочества (Петра III),

под начальством Демику, 3-й Казанский и Новотроицкий полки – всего 12 эскадронов²⁹. Атака русского левого фланга, разгром им прусской пехоты и его последующий частичный разгром прусскими гусарами Зейдлица подробно разобраны в труде Масловского³⁰, поэтому мы сосредоточимся на том, что происходило во время сражения с генералом Броуном.

Судя по печатному «Журналу о военных действиях Российской императорской армии», командующий Обсервационным корпусом во время атаки находился в первой линии пехоты: «Весьма превосходящее число его конницы спасло бегущих и остановило преследование за ними храбрых наших, генералом Брауном и графом Чернышевым предводительствуемых гранодеров». В рукописном же варианте значится следующее: «...генерал и кавалер Броун в пятом часу бесчеловечно ранен и генерал-майором Дицом на телеге в то место привезен, где раненые перевязывались»³¹. Более подробно это почти эпическое ранение Юрия Юрьевича описано в журнале начальника инженерной команды Обсервационного корпуса Эльмита: «...генерал-аншеф и кавалер Броун после убийтия под ним лошади в полон попался, и как онаго один офицер Шорлемерскаго полка не так скоро отвести мог, потому, что он от наших гнаны были, то сей офицер двенадцатью ранами его, генерала Броуна, порубил и на месте оставил, на котором наши его, в крови лежащего, нашли и, позади фронта отвезши, раны перевязали»³². А в истории жизни генерала, написанной его зятем М.И. Борхом, этот эпизод представлен еще более красочно: «В Цорндорфском сражении Броун командовал левым крылом армии. В самый разгар убийственного боя он был захвачен в плен прусским гусарским офицером. Гусары повлекли его уже на свою сторону, как офицер заметил несущуюся, несколько поодаль, толпу казаков. Накинув на Броуна свой плащ, он грозил своему пленнику немедленной смертью, если он подаст какой-либо знак или крикнет казакам. Броун, когда казаки были уже недалеко, крикнул: “Ребята, ко мне!” Офицер, видя невозможность выдержать напор казаков, в то самое мгновение, когда они поспешили на крик Броуна, сделал по нем два выстрела из пистолета и, заметив, что пленник еще жив, выхватил саблю и начал рубить его по голове. Пока казаки подоспели на выручку, Броун получил 12 тяжелых ран и с разрубленным черепом упал на поле, лишившись сознания и чувств.

Прусские гусары бежали, а казаки подняли Броуна и отнесли его на перевязочный пункт, заметив в нем некоторые признаки жизни. Здесь Броун пришел в себя»³³.

Сведения о том, что происходило с Юрием Юрьевичем дальше, содержатся в воспоминаниях участника Цорндорфского сражения князя А.А. Прозоровского. Будучи ранен пулей в плечо, князь поехал в поисках лекаря в ближний лес, где и узнал, «что не в далеком расстоянии раненый генерал Броун и при нем есть лекари». Лекари генерала его перевязали, и некоторое время князь наблюдал, как «многие прусские дезертиры, приходившие в самый день сражения к генералу Броуну во время его в лесу пребывания, уверяли, что полки, в которых они сами находились, так разбиты, что он чаёт, что один живой остался». Затем генерала Броуна положили на телегу и «повезли из лесу для сыскания пристанища в какой-нибудь деревне», которой, по всей видимости, оказался Картшен. Прозоровский поехал следом с другими ранеными, в деревне отделился, но из-за слухов о прусской коннице началась паника и все ринулись на мост и вброд через реку, где князь снова присоединился к генералу Броуну, который тем временем обнаружил возле леса свой обоз. «Смятение было безмерное! Все наше собрание не знало куды ехало и все вообще полагали – не избежать плену. В сих мыслях генерал Броун приказал из канцелярии своей некоторым письмам передрать. Наконец, перед сумерками сего несчастного дня, приехал к нам кирасир... и объявил, что место сражения наше и неприятель удалился. Весть сия привела в несказанную нас радость. Почему генерал Броун и все мы поворотились к месту сражения». Ночь и следующий день Ю.Ю. Броун провел в упомянутой деревне в ожидании разрешения на свободный проезд, запрошенный главнокомандующим Фермором у прусского короля. Вечером, «по получении им от короля позволения ехать невозбранно куды захочет», генерал отправился в Ландсберг и взял Прозоровского с собой. В Ландсберге, из-за множества раненых, князь лишь на третий день смог сделать новую перевязку, так как «бывший при генерале Броуне лекарь, за тяжелыми сего генерала ранами, отлучиться не мог»³⁴.

Через некоторое время Ю.Ю. Броун переехал для лучшего лечения в Торн, откуда в ноябре писал императрице: «Хотя я излечен, только от столь тяжких ран, настолько во мне слабости и

бессилия, к прежнему моему худому здоровью, прибавилось, что поныне и соответственного движения не имею. Глаза худы стали, в голове не одну боль, но и шум всегда имею (с которой вынута 56 костей), слухи крепки стали, к тому ж от раны на щеке нижней губы не чувствую, да и от раны ж на лопатке правой рукой не гораздо владею и свежей памяти вовсе лишился»³⁵. Большую рану, образовавшуюся в черепе генерала, закрыли серебряной бляхой, с которой он ходил до конца жизни³⁶. Императрица за прошедшую кампанию пожаловала Броуна 25 ноября кавалером ордена св. апостола Андрея Первозванного³⁷.

Несмотря на столь плохое самочувствие, генерал Броун продолжал командовать Обсервационным корпусом до конца зимы 1758–1759 гг. и разрабатывал вместе с Фермором план будущей кампании³⁸. Однако способным к службе в полевых условиях он себя не чувствовал и получил разрешение на годичный отпуск для поправления здоровья. 18 августа 1759 г. императрица вновь выказала Ю.Ю. Броуну свое расположение, повелев дать ему «в Лифляндии из коронных маестностей... двадцать гаков в вечное и потомственное владение»³⁹.

По окончании отпуска в начале 1760 г. генерал Броун был вновь назначен в действующую армию командиром 2-й дивизии. В начале мая армия пришла в движение, чтобы согласно приказу главнокомандующего П.С. Салтыкова от 28 апреля сосредоточиться за Вислой. Дивизия Броуна должна была собраться у Свеча, однако 24 апреля бригадиру Дерфельдену было приказано следовать с тремя полками пехоты из Торна в Познань для прикрытия магазинов, устраиваемых там генералом Суворовым. Когда же к 15 мая граф Фермор получил донесение, что неприятель подготавливается к переходу в наступление в Померании, то тотчас же «приказал генералу Броуну, в изменение данного ему маршрута, немедленно следовать из Торна в Иновроцлавск, где расположиться для корма лошадей, а бригаду пехоты с бригадою артиллерии в 20 орудий выдвинуть к Гнезно. В случае надобности эшелонированным войскам Броуна следовало тотчас же поддержать Дерфельдена. Познань приказано было снова укрепить»⁴⁰.

23 мая из Петербурга поступило приказание Конференции о новом походном порядке армии, и уже на следующий день расписание армии на летнюю кампанию 1760 г. было В. Фермором

составлено. Вторая дивизия генерала Броуна значилась в следующем составе: генерал-лейтенант Фаст, генерал-майоры Розен и Берг, бригадиры Брант и Дерфельден и 10 пехотных полков: Первый гренадерский, Пермский, Смоленский, Сибирский, Низовский, Архангелогородский, Черниговский, Нарвский, Троицкий и Углицкий⁴¹. Когда в середине июня П.С. Салтыковым были получены от командовавшего авангардом графа Чернышева новые сведения о передвижениях прусских войск в Польше, он приказал генералу Броуну как можно скорее отправить в Познань «бригадира Краснощокова со всеми в его команде состоящими казачьими полками, равно как и желтых гусар», из чего следует, что какое-то время они тоже находились под командованием Ю.Ю. Броуна⁴².

Журнал «О военных действиях Российской императорской армии» за июнь 1760 г. содержит следующие сообщения о движении дивизии Броуна: «Генерал Броун рапортовал, что он с полками второй дивизии и бригадою артиллерии 12 числа сего месяца в местечко Жнин прибыл, где отдохнув имеет до местечка Яновец следовать», «от генерала Броуна получен репорт, что он с полками второй дивизии 19 числа в местечко Клецк прибыл», «получено от генерала и кавалера Броуна известие, что он с полками второй дивизии 21 числа в деревню Саржево прибыл», и «24 числа получено от генерала Броуна известие, что с полками его дивизии 22 числа к Познаню прибыл, и не далека от онаго лагерем расположился»⁴³.

В Познани фельдмаршал Салтыков частично переформировал дивизии, оставив в них по девять полков. На 11 июля во Второй дивизии под командованием генерал-аншефа и кавалера фон Броуна состояли следующие офицеры: генерал-поручики Петр Олиц и Яков Фаст, генерал-майоры Петр Племянников и Иоахим Сиверс, бригадиры Карл Бахман и Яган Дерфельден, инженер-полковник Гербель в должности генерал-квартирмейстера и обер-квартирмейстер Борзов и следующие полки: Второй гренадерской и Троицкий, Сибирский, Нижегородский, Рязанский, Архангелогородский, Нарвский, Ладожский, Казанский мушкетерские⁴⁴.

15 июля дивизия генерала Броуна вместе с армией выступила к Бреславлю, но через некоторое время последствия цорндорфского ранения дали о себе знать и Юрий Юрьевич осознал не-

возможность продолжать службу в действующей армии: «...раны открылись и он впал в столь сильную горячку, что, с дозволения Салтыкова, должен был отправиться для лечения в Калишь и оттуда (10 августа 1760) просил государыню об увольнении его в деревню еще на год», на что и получил Высочайшее разрешение⁴⁵.

На этот раз выздоровление Юрия Юрьевича затянулось, и в начале 1761 г. он вновь попросился в отпуск. 21 февраля императрица Елизавета отправила ему следующий указ: «Из реляции вашей от 6-го сего месяца со многим сожалением усмотрели мы, что слабое состояние здоровья вашего неотменно еще продолжается, и что потому принужденными вы находитесь просить увольнения еще на один год, дабы оное в покое восстановить и паки службе нашей себя посвятить. И как желаем мы вам совершенного выздоровления и службу вашу всегда полезною почитаем, то всемилостивейше и соизволяем, чтобы вы еще один год в деревне пробыть могли, а штат ваш отпустили, который по выздоровлении вашем всегда скоро набран быть может»⁴⁶.

В феврале 1762 г. по истечении срока отпуска генерал Ю.Ю. Броун прибыл в Петербург представиться Петру III, но назначение получил не в армию, а генерал-губернатором в Лифляндию. На этом посту Юрий Юрьевич прослужил 30 лет, повторно женился и имел в браке сына и двух дочерей. Похоронить же себя генерал приказал в том самом мундире, который был на нем в Цорндорфском сражении и который, изорванный и в пятнах крови, он тщательно хранил⁴⁷.

¹ Масловский Д.Ф. Русская армия в семилетнюю войну. Т. 1. М., 1886. Приложения. Таблица № 39-й. С. 2.

² Масловский Д.Ф. Указ. соч. С. 156.

³ Семилетняя война. Материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. М., 1948. С. 55–58.

⁴ Сборник Императорского русского исторического общества (Далее – СИРИО). Т. 136. СПб., 1912. С. 225–227; Архив кн. Воронцова. М., 1871. Кн. 3. С. 473.

⁵ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 161, Приложения. Таблица № 9. С. 1–2.

⁶ СИРИО. Т. 136. 1912. С. 461.

⁷ Семилетняя война. С. 81, 92; СИРИО. Т. 136. 1912. С. 636.

⁸ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 195.

⁹ Там же. С. 199, 207.

¹⁰ Семилетняя война. С. 160–163.

¹¹ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 223–224.

- ¹² Там же. С. 239–240.
- ¹³ Там же. С. 243–244.
- ¹⁴ Там же. С. 256–257.
- ¹⁵ Семилетняя война. С. 183.
- ¹⁶ Там же. С. 186.
- ¹⁷ ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 192–193.
- ¹⁸ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 4; Ссылки и пояснения. С. 2.
- ¹⁹ Там же. С. 8.
- ²⁰ Там же. Т. 2. С. 6. «Вообще новый главнокомандующий с первого же раза фактически не выказал особой энергии и распорядительности ни по изысканию мер к наивозможно удобнейшему размещению войск на зимних квартирах...»
- ²¹ ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 193.
- ²² Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 77, 80–85.
- ²³ О военных действиях Российской императорской армии (далее – Журнал). Ч. 2. 1763. С. 70–71; Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 88.
- ²⁴ ЧОИДР. 1862. Кн. 4. С. 194–196.
- ²⁵ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. Ссылки и пояснения, С. 26; Журнал. С. 128.
- ²⁶ Семилетняя война. С. 287–289; Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 168–169.
- ²⁷ Семилетняя война. С. 304–308; Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 173.
- ²⁸ Журнал. С. 180.
- ²⁹ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 247.
- ³⁰ Там же. С. 255–257.
- ³¹ Журнал. С. 251; Семилетняя война. С. 333.
- ³² Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 257.
- ³³ Histoire de la vie de George de Browne, comte du Saint-Empire, gouverneur général de Livonie et d'Esthonie, général en chef des armées de Sa Majesté l'impératrice de toutes les Russies. Riga: Chez J.F. Hartknoch, 1795. P. 25–27; Сборник материалов по истории Прибалтийского края. Т. 1. 1876. С. 426.
- ³⁴ Прозоровский А.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского. М.: Рос. Архив, 2004. С. 51–54.
- ³⁵ Сборник материалов по истории Прибалтийского края. С. 426.
- ³⁶ Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей земли русской. Ч. 1. М., 1836. С. 203.
- ³⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1758. 27 ноября.
- ³⁸ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 407; Приложения. С. 252.
- ³⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1759. 27 августа.
- ⁴⁰ Масловский Д.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 260.
- ⁴¹ Семилетняя война. С. 576.
- ⁴² Там же. С. 592–593.
- ⁴³ Журнал. С. 182–184.
- ⁴⁴ Семилетняя война. С. 599.
- ⁴⁵ Сборник материалов по истории Прибалтийского края. С. 427.
- ⁴⁶ Русский архив. 1908. № 3. С. 305–306.
- ⁴⁷ Сборник материалов по истории Прибалтийского края. С. 434.